

День не сулил ничего доброго.

В столице уже третий день валил густой снег. Острые сосульки, свисавшие с карнизов, вытянулись в несколько локтей, а дворовые псы забились поглубже в конуры, не смея и носа высунуть на мороз. Однако в усадьбе маркиза Чжэньюань царило нездоровое оживление — здесь выдавали сына замуж.

Среди этого белоснежного безмолвия Чу Чжаохуай в приступе ярости крушил всё, что попадалось под руку в его покоях. Правда, комната была скудно обставлена, и ломать было особо нечего. Когда он наконец замахнулся старой вазой, приставленный следить за ним дворецкий с каменным лицом процедил:

— Это фарфор из официальной печи, форма «бумажный молот». Цена — пять золотых.

Юноша вздрогнул и торопливо прижал сосуд к груди.

— Старший молодой господин, прошу вас, смирите гнев, — увещевал его старик. — Через полчаса придут люди из усадьбы Цзин-вана. Если вы откажетесь сесть в паланкин, гнев императора обрушится на весь наш род.

Чу Чжаохуай сидел перед туалетным столиком у окна. На нём было ярко-алое свадебное одеяние, а на плечи опало несколько лепестков сливы. Болезненная бледность лица лишь сильнее подчеркивала благородство его черт.

Прижимая к себе вазу, он отрешённо уставился в пустоту:

— На пути к Жёлтому источнику не будет скучно, если кто-то составит компанию. Я не в проигрыше.

Дворецкий поперхнулся словами. Два дня он распинался перед ним, чередуя ласку с угрозами, и теперь совершенно не знал, как ещё убедить строптивца.

В этот момент дверь, украшенная красным иероглифом «двойного счастья», распахнулась. В комнату ворвался ледяной ветер, заноса несколько снежинок, которые тут же растаяли.

— Действительно, скучно не будет, — раздался холодный голос. — Если государь в гневе велит истребить девять колен нашего рода, семье Бай из Линьяня тоже не удастся остаться в стороне. Твои дед и дядя отправятся в последний путь вместе с тобой.

Чжаохуай обернулся и спустя долгое молчание глухо произнёс:

— Хоуе.

— Называешь родного отца «хоуе»? Этому ли учил тебя дед? — Чжэньюань-хоу Чу Цзин, мужчина в самом расцвете сил, со статной фигурой и суровым лицом, ледяным тоном продолжил: — Этот брак — воля самого императора. Даже Цзин-ван не смеет противиться указу, не говоря уже о тебе.

Чу Чжаохуай, поглаживая вазу, не проронил ни слова.

Князь, возможно, и хотел бы воспротивиться, да только поговаривали, что этого первого столичного Бога Несчастий, совершившего в жизни слишком много зла, под самый Новый год настигла кара. Он уже полмесяца пребывал в беспамятстве и, судя по всему, вот-вот должен был испустить дух.

— Не злись, — смягчил тон Чу Цзин. — Если бы усадьба маркиза не дала тебе приют все эти годы, разве смог бы ты...

— Все эти годы я занимался медициной в Цзяннани, — перебил его Чжаохуай. — Я не полагался ни на усадьбу маркиза, ни на деда. Разве я не живу до сих пор припеваючи?

Маркиз холодно усмехнулся:

— Твой дед писал в письме, что ты повсюду ставил диагнозы и лечил людей, чем задел каких-то важных особ. За тобой гнались убийцы, и если бы я не приказал забрать тебя из семьи Бай в столицу, чтобы укрыть от беды, ты бы давно уже гнил в земле. Это ты называешь «жить припеваючи»?

Чу Чжаохуай, которого не брали ни угрозы, ни уговоры, пробормотал:

— Отправить меня в логово тигра и волка, чтобы «укрыть от беды» — это мало чем отличается от смерти.

Чу Цзин застыл, на мгновение в его взгляде промелькнула тень неловкости.

Ходили слухи, что Цзин-ван Цзи Сюнь был неоправданно жесток, склонен к убийствам, а вдобавок страдал от неизлечимого безумия. К тому же, маркиз Чжэньюань и Цзи Сюнь всегда враждовали — споры в совете и тайные козни были для них обычным делом.

Для старшего молодого господина этот брак и впрямь был прыжком в пасть к зверю.

— Цзи Сюнь нажил слишком много врагов. Теперь, когда тигр попал в западню, найдутся те, кто захочет прикончить его. Он вряд ли доживёт до Малого Нового года, — Чу Цзин отвел взгляд. — А когда он умрёт, ты обеспечишь себе безбедную и почётную жизнь до конца дней.

Чжаохуай нахмурился. Судя по словам отца, пути назад не было.

Он с детства был слаб здоровьем и страдал от недуга сердца. Когда ему было пять лет, мать скончалась от болезни. Маркиз возвысил наложницу Чжэн, у которой уже был сын, сделав её законной супругой, а после, под предлогом, что Чжаохуай — «звезда бедствий, приносящая несчастья родным», отправил его в Цзяннань, якобы на лечение.

Там он и прожил больше десяти лет.

Чу Цзин не питал к старшему сыну особых чувств и уж точно не собирался ради него идти против воли императора.

У Чжаохуая была хорошая память: он до сих пор помнил слова того чудаковатого Государственного наставника, который предсказал, что в восемнадцать лет его ждёт великое испытание, угрожающее самой жизни. И если он сумеет его преодолеть, то вся оставшаяся жизнь будет мирной и благополучной.

Теперь, когда до восемнадцатого дня рождения оставалось совсем немного, его выдают замуж за Бога Несчастий... Неужели предсказания и впрямь обладают такой силой?

Заметив за дверью тени охранников, Чжаохуай понял — всё решено. Если он продолжит сопротивляться, его просто свяжут и силой запихнут в паланкин, лишив последних крох достоинства.

Глубоко вздохнув, он наконец смирился и задал вопрос, который волновал его больше всего:

— Те вещи, что оставила мне мама перед смертью... Вы включили их в обещанные сто двадцать сундуков приданого? Госпожа Чжэн не прикарманила их?

Чу Цзин едва сдержал вспышку гнева:

— Даже если дела в нашей усадьбе пойдут совсем плохо, мы не опустимся до того, чтобы жадничать из-за твоих крох.

Юноша с облегчением выдохнул:

— А, ну раз нет, так нет. Я просто спросил.

Маркиз глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться, и позвал служанок, чтобы те наложили сыну грим. Чжаохуай и вправду перестал сопротивляться.

Чу Цзину не хотелось больше оставаться рядом с сыном, к которому он почти ничего не чувствовал. Он уже собрался уходить, но, словно поддавшись внезапному уколу совести, обернулся и хмуро наставил:

— В усадьбе Цзин-вана полно опасностей. Если ты не дурак, не подходи к нему близко. Этой ночью найди любой предлог, чтобы не оставаться в спальне.

— Что?

Но Чу Цзин не стал объяснять. Бросив служанкам: «Кладите белила гуще, чтобы скрыть родинку», — он развернулся и вышел.

Чжаохуай недоуменно посмотрел ему вслед.

Спустя некоторое время сваха кашлянула:

— Молодой господин, грим готов.

Чжаохуай взглянул в зеркало и едва не подскочил от неожиданности. Уж не знамо, где нашли эту сваху, но грим она наложила грубо и просто: слой за слоем густых белил скрыли его истинное лицо так, что родная мать не узнала бы. В неверном свете свечей он походил на мстительного призрака, явившегося с того света. Это напоминало не свадебное торжество, а жуткий обряд венчания мертвецов.

Сваха же рассыпалась в похвалах:

— Старший молодой господин — сущий небожитель! Поистине, ваш союз с Цзин-ваном предначертан небесами.

Чжаохуай всё понял. Видимо, в столице нынче мода такая на свадебный грим, совсем не то, что в Цзяннани.

Тяжёлый головной убор и многослойные одежды были надеты к самым сумеркам, когда снаружи раздались звуки петард. Прибыли люди из усадьбы князя. Сваха набросила на его венец красное покрывало с вышитыми уточками-мандаринками. Чу Чжаохуай зажмурился, и его под руки повели к паланкину.

«Будь что будет. Бежать бессмысленно, лучше уж встретиться со своей судьбой лицом к лицу. Неужели этот умирающий в беспомощности человек и впрямь сможет меня съесть?»

Взрывы петард расцвели снег алыми пятнами конфетти. Под завывания ветра и грохот барабанов свадебный кортеж тронулся в путь, медленно покачиваясь, направляясь к северной

части города — к усадьбе Цзин-вана.

***

Несмотря на метель, почти все важные столичные чины явились на свадьбу с поздравлениями — кто искренне, а кто с затаённым злорадством. Атмосфера праздника казалась шумной и оживлённой.

Чу Чжаохуай видел перед собой лишь колышущееся красное пятно из-за плотной ткани покрывала. Его заботливо вывели из паланкина. Он совершенно не понимал, кто именно совершал обряды поклонения небу и земле вместо жениха, и вскоре, совершенно дезориентированный, оказался в спальне.

Покои Цзин-вана были пропитаны тяжелым запахом лекарств. Чжаохуай невольно принялся и нахмурился. Этот аромат...

Князь был тяжело болен и нуждался в покое. Хотя в передних залах усадьбы гремело веселье, здесь, в глубине дома, царил мертвенная тишина. Сваха тихо удалилась, прикрыв за собой дверь.

Подождав немного и убедившись, что в комнате никого нет, Чжаохуай осторожно поднял край покрывала и зацепил его за подвески на венце. В этот морозный зимний день в спальне было холодно, как в ледяном погребе. Окно было распахнуто настежь, и сквозняк заносил внутрь хлопья снега. Ни теплого пола, ни жаровен в комнате не было.

Юноша так замерз, что руки и ноги стали ледяными. Он отвернулся и чихнул, а затем перевел взгляд на массивную курильницу у постели. Сначала он хотел изучить состав лекарственных курений, но, увидев золотую чашу, на миг лишился дара речи.

Цзин-ван действительно был в милости у государя — даже курильница для благовоний была сделана из чистого золота. Аж глаза слепило.

Чжаохуай с трудом отвел взгляд от сокровища и, придерживая тяжелое платье, подошел ближе. Лишь оказавшись рядом, он почувствовал резкий запах ядовитых трав. Если в спальне постоянно жгут такие благовония, князь и впрямь не протянет до Малого Нового года.

Чжаохуай зачерпнул чашку воды и приподнял тяжелую крышку, намереваясь потушить угли. Не то чтобы он хотел спасти Его Высочество, но как лекарь он знал: его собственное тело слишком слабо. Если он надышится этим ядом, то отправится вслед за мужем в могилу раньше времени.

Внезапно раздался голос:

— Что ванфэй делает?

От неожиданности у Чжаохуая дрогнула рука. Вода вместе с чашкой обрушилась в курильницу. Раздалось громкое шипение, вспыхнуло яростное синеватое пламя, и вверх взметнулось облако серого пепла.

В пустой комнате неизвестно когда появился человек в черном. Его лицо скрывала маска. Он холодно смотрел на Чжаохуая, а его шаги были совершенно бесшумны. Очевидно, это был воин Тёмной стражи. Он подошел и снова разжег курения:

— Это благовоние поддерживает жизнь в теле Его Высочества. Прошу ванфэй более не трогать его.

Чжаохуай с малых лет учился медицине у деда, но никогда не слышал о подобном способе «поддержки жизни».

— Что же это за болезнь такая, для которой нужен яд...

Пальцы стража, сжимавшие рукоять меча, внезапно побелели от напряжения. Чжаохуай вздрогнул и торопливо поправился:

— Хорошее лекарство! Просто чудесное!

Страж, казалось, обладал скверным характером. Лесть его не убедила, более того — он явно вознамерился убить незваного гостя и наполовину обнажил меч. Дым от благовоний повалил еще сильнее, и запах яда стал невыносимым.

Чжаохуай в испуге отступил на шаг, запутался в тяжелых складках платья и с грохотом повалился на край постели. Жизнь была ему дорога, а гордость благородного господина — вещь излишней.

— Пощадите! — взмолился он. — Это лекарство точно поможет Его Высочеству прожить до ста лет и завести кучу детей... кха!

Не успел он закончить, как послышался резкий звон. Две стрелы из арбалета прорезали воздух. Страж молниеносно отбил их мечом, но одна из них со свистом пронеслась мимо уха юноши и вонзилась в столбик кровати всего в паре дюймов от его головы. Черное оперение стрелы еще долго вибрировало от удара.

Лишь мгновение — и его жизнь могла оборваться. Чжаохуай в оцепенении смотрел на стрелы, концы которых были смазаны ядом. Нападение?

— Защищайте Его Высочество! — скомандовал страж.

В следующий миг с потолочных балок, словно стая птиц, сорвались тени в черном и бросились наружу встречать врага. Вскоре из коридора донеслись звуки лязгающей стали и короткие предсмертные крики.

Чу Чжаохуай, не отличавшийся физической силой и никогда не видевший подобного, в ужасе прижал руки к груди, пытаясь унять колотящееся сердце. Теперь он понял, почему отец советовал ему не оставаться в спальне. Тот заранее знал, что в брачную ночь найдутся желающие убить Цзи Сюня.

В пустой спальне негде было спрятаться. Юноша огляделся, подобрал подол и забрался на широкое ложе. Отодвинув тяжелые занавеси, он замер. На кровати лежал человек.

Конечно, это был Цзин-ван.

Цзи Сюнь, принадлежавший к императорской семье, даже на пороге смерти сохранял врожденное величие, которое невозможно было игнорировать. Несмотря на пронизывающий холод, на нем была лишь тонкая черная рубаха. ворот был слегка распахнут, открывая взору шрам, пересекающий почти всю грудь. Мужчина лежал с закрытыми глазами. Его губы были бледными, а длинные густые ресницы, похожие на вороньи крылья, оттеняли лицо, делая его похожим на прекрасный, но увядающий цветок.

Чжаохуай на мгновение загляделся. Трудно было представить, что этот на первый взгляд красивый мужчина — тот самый «Бешеный пёс» и «Ужас для чертей» из слухов, способный голыми руками лишить жизни и знающий сотни видов пыток. Но каким бы могущественным он ни был прежде, теперь он был лишь умирающим человеком, запертым в границах этого ложа.

«Бедняга»

Чжаохуай осторожно попытался перелезть через князя к стене, чтобы спрятаться. Но едва он поставил ногу, как почувствовал под тонким одеялом что-то мягкое. Судя по контуру — это была рука Цзи Сюня.

Во сне тот, казалось, почувствовал боль, и его брови слегка дрогнули. Юноша застыл. Вспомнив рассказы о том, как этот человек справляется с врагами, он с перепугу рухнул вглубь кровати и, сложив руки в молитвенном жесте, принялся мелко кланяться.

«Смилуйтесь, спите спокойно, не сердайте»

Он провел на кровати совсем немного времени, когда крики снаружи начали стихать. Чжаохуай наконец облегченно вздохнул.

Он осторожно выпрямился, стараясь больше не задеть «великого бога», и хотел слезть с кровати со стороны изножья. Но стоило ему подняться, как в распахнутое окно запрыгнули двое в масках. Они действовали быстро и слаженно, с мечами наперевес бросившись к ложу.

У Чжаохуая подкосились ноги, и он плашмя рухнул прямо на грудь Цзин-вану. Тот нахмурился еще сильнее. Юноша в тот миг желал лишь одного — чтобы князь «упокоился» окончательно и не проснулся. Впрочем, убийцы были уже близко. Удар меча — и они оба отправятся на тот свет.

Реакция Чжаохуая была мгновенной:

— Защитите Его Высочество! — закричал он.

Но было поздно. Убийцы уже стояли перед ним. Клинок был занесен для решающего удара, который должен был пронзить обоих — одной сталью две жизни.

Смертоносная жажда крови окутала его, словно ядовитая змея. Чжаохуай не мог пошевелиться от страха, по спине пробежал ледяной холод, а в горле пересохло. В голове стало пусто, и он успел лишь зажмуриться перед тем, как лезвие должно было коснуться его плоти.

Внезапно чья-то рука обхватила его запястье. Холодная, словно камень, словно рука призрака, выбравшегося из преисподней. Чжаохуай вздрогнул от этого ледяного прикосновения.

Пламя свечей дрогнуло, блеснула сталь. Юноша в замешательстве открыл глаза.

Он не успел ничего разглядеть. Золотые подвески на его венце закачались и столкнулись друг с другом. Свадебное покрывало, до того небрежно висевшее на шпильках, снова упало, закрывая обзор кроваво-красной тканью. Под мелодичный звон золотых бусин раздался глухой звук, с которым плоть пронзает нечто тяжелое.

Раздался всплеск. В воздухе разлился запах крови. Чжаохуай замер, и в этот миг мир вокруг снова изменился.

Из-под алого покрывала, на котором золотыми нитями были вышиты уточки, показалось что-то золотистое, испачканное кровью. Это нечто небрежно подцепило ткань и откинуло её назад. Чжаохуай подумал было, что это свадебное коромысло весов, которым поднимают фату, но, опустив взгляд, увидел золотой посох.

Он поднял голову.

В этот морозный день человек, который еще недавно казался хладным трупом, лениво сидел на краю постели. Тонкая черная рубаха сползла, полуоткрывая тело, испещренное шрамами. На шее багровел жуткий след, от которого веяло неукротимой яростью и дикостью.

Цзин-ван слегка повернул голову. На его бледном лице алело несколько пятен чужой крови. У подножия кровати лежал убийца. Его глаза были налиты кровью и полны предсмертной ненависти, изо рта толчками выходила багровая пена. Спустя несколько мгновений он затих навсегда.

Всё произошло в мгновение ока. Чжаохуай даже не понял, как безоружный князь в одной рубахе сумел это сделать. Взгляд его упал на предмет, ставший причиной смерти нападавшего, и он застыл.

Это был... дарованный самим императором золотой посох с навершием в виде голубя?

Обычно такие посохи делали из бронзы с древком из сандала, но этот был отлит из чистого золота. На нем были выгравированы слова: «Чансуй Сичунь» — Долгие лета и сияющая весна. Конец посоха был тупым, им нельзя было ранить так легко, как мечом. Однако Цзи Сюнь одним легким движением пронзил этим посохом сердце врага. Какая же сила должна быть в этих руках?

И этим самым окровавленным посохом он только что поднял его свадебное покрывало?

Чжаохуай пробрала крупная дрожь. Прежние мысли о «красивом мужчине» и «несчастном умирающем» рассыпались в прах.

«Воистину, он — Бог Несчастий»

Чжаохуай плотно сжал губы, боясь, что душа вылетит наружу. Цзи Сюнь, с черными волосами, рассыпавшимися по плечам, и пятнами крови на щеках, походил на прекрасного демона, явившегося за его жизнью. В нем не осталось и следа от недавней предсмертной слабости.

Он мягко улыбнулся и спросил:

— Испугался?

Чу Чжаохуай, бледный как полотно, попытался сохранить остатки самообладания:

— Н-ничуть.

Но стоило ему договорить, как силы оставили «отважного» ванфэй. Он покачнулся и без чувств рухнул прямо в объятия князя.

Цзи Сюнь замер в недоумении.

<http://bllate.org/book/15341/1372763>